

Е. С. Кравцова

**«Я НЕ ЗНАЮ В ЧЕМ Я ВИНОВЕН И ЗА ЧТО НЕСУ
НАКАЗАНИЕ»: ПО МАТЕРИАЛАМ СЛЕДСТВЕННОГО
ДЕЛА М. А. ГУКОВСКОГО (1949–1956)**

Проблематика диалога власти и гражданского общества неизменно привлекает исследователей языка и репрезентаций власти. Как особую форму взаимодействия политических деятелей и общества можно рассмотреть репрессии власти против собственного населения, память о репрессиях и преодоление (или забвение) исторической травмы¹.

Многие из жертв сталинских репрессий, вовлеченных в многочисленные, сфабрикованные органами госбезопасности, кампании, вставали перед необходимостью признать иррациональную вину, понести наказание за нее и покаяться, отказавшись от рационального осмысления проживаемой реальности. Последнее становилось иерархической привилегией обвинителей, скрывавших за разнообразными кампаниями свои цели и задачи. Гражданское население массово вовлекалось в своеобразный диалог с властью с помощью публичных процессов, демонстрирующих намерение власти найти и исключить из «единого», «сплоченного» общества

¹ О памяти и преодолении исторической травмы см. например, *Энгле, Н. В.* Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М., 2020.

«врагов народа», чьи действия «разрушают» изнутри совместно строящееся народное государство.

Материалы следственного дела Матвея Александровича Гуковского, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ)², позволяют проанализировать своего рода диалог между обвиняемым, пытающимся понять причину ареста, и обвинителями, преследующими свои цели. При этом отсутствие вовлеченности Гуковского в какой-либо конкретный публичный процесс породило несколько версий о причинах ареста Матвея Александровича в общественном поле: кража картин в Эрмитаже³, чистка советской еврейской интеллигенции (кампания против «безродных космополитов»)⁴, связь его с «Ленинградским делом»⁵. Следственное дело М. А. Гуковского позволяет если не точно ответить, то приблизиться к ответу на вопрос: за что Матвей Александрович был арестован в 1949 г. и приговорен в 1950 г. к десяти годам Исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ).

Окончивший Петроградский университет в 1923 г., Матвей Александрович до 1925 г. входил в штат Государственной публичной библиотеки. С 1925 по 1929 г. Гуковский, покинув академические структуры, работал в импортном отделе Северо-западного акционерного торгового общества «Севзапторг». Во второй половине 20-х гг. XX в. он прошел «чистку госаппарата», подтвердив лояльность советской власти⁶.

В 1929 г. началась так называемая сталинская «революция сверху», длившаяся до конца 30-х гг. XX в.: выстраиваемый И. В. Сталиным механизм управления государством в значитель-

² ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

³ Последний рассказ историка науки: интервью Г. Е. Павловой (6 июля 1999 г., ИИЕТ РАН), В кн.: *Вопросы истории естествознания и техники*. 2001. № 1. С. 162.

⁴ *Косинский, М. Ф.* Первая половина века: воспоминания. Париж, 1995. С. 385.

⁵ *Шкуренок, Н.* Чтобы помнили. В кн.: *Фонд «Последний адрес»* // URL: https://www.poslednyadres.ru/articles/ng_4toby_pomnili.htm (дата обращения: 11.09.2023)

⁶ *Кирсанов, В. С.* Возвратиться к истокам? (Заметки об институте истории науки и техники АН СССР, 1932–1938 гг.), В кн.: *Вопросы истории естествознания и техники*. 1994. № 1. С. 11.

ной степени опирался на репрессии, первые из которых начались в конце 20-х гг. XX в. (принудительная коллективизация, «Шахтинское дело» и т. д.). В эти годы Матвей Александрович вернулся к научным занятиям, а его ярко выраженный талант организатора и администратора нашел признание у большевиков и приближенных к структурам власти деятелей науки.

Двадцать лет, с 1929 по 1949 г., Матвей Александрович счастливо избегал многочисленных репрессивных кампаний, обеспечивающих необходимый для сталинского тоталитарного государства высокий уровень социальной мобилизации и потому прерывающихся лишь на короткие периоды, однако, несмотря на это значительное влияние на его жизнь они все же оказывали.

С 1929 по 1931 г. структуры Академии наук подвергались массовым чисткам в рамках сфабрикованного ОГПУ «Академического дела». По окончании ряда процессов над учеными, библиотекарями, архивистами большевики смогли установить контроль над Академией.

В 1929 г. полностью сменилось руководство Библиотеки Академии наук (БАН): заместителем директора, а затем директором стал И. И. Яковкин (1881–1949), работавший в Публичной библиотеке в 1910–1929 гг.⁷ Осенью того же года Союз работников просвещения пригласил Матвея Александровича Гуковского на «освободившееся» место ученого секретаря в БАН. Последующие три года Матвей Александрович выполнял, преимущественно, рационализаторскую и организаторскую работу⁸, проводил «чистку» библиотеки⁹.

В 1931 г. Гуковский был избран ученым секретарем Комиссии по истории знаний (КИЗ), реорганизованной позднее в Институт истории науки и техники (ИИНТ). Председателем КИЗ, а затем директором ИИНТ, был видный большевик и политик

⁷ Грин, Ц. И. Яковкин Иннокентий Иванович, В кн.: *Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь, т. 1–4 (электронная версия) // URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=75 (дата обращения: 05.09.2023)*

⁸ К истории разработки библиотечных классификаций в 1930-е годы: Сб. документов. Комментариев. изд. / Авт.-сост.: Н. В. Бекжанова (отв. сост.), Д. Дракулич-Прийма, Д. М. Омельченко, С. В. Перекрест. СПб., 2018. С. 193.

⁹ Краткий *Curriculum Vitae* М. А. Гуковского от 15 июня 1935 г. Л. 1. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 214.

Н. И. Бухарин (1888–1938). Отстраненный в 1929 г. Сталиным от активной политической работы, он после избрания его в том же году академиком по Отделению гуманитарных наук (экономика) переключился на реорганизацию советской науки и интеграцию ее в социалистическую экономику.

Гуковский с 1931 г. по совместительству, а с 1933 г. на постоянной основе, был одним из самых деятельных помощников Бухарина в ИИИТ, участвуя, в частности, в формировании штата Института¹⁰. В ИИИТ Гуковскому удалось возобновить ученые занятия. Но его административную и научную карьеру историка науки прервал большой террор (1937–1938). Государственные и партийные функционеры постоянно находились под угрозой репрессий, в соответствии с кадровой политикой Сталина. Одним из самых громких дел этого периода стал процесс над Бухариным, арестованным в 1937 г. и расстрелянным в 1938 г. Сотрудники ИИИТ — члены ВКП(б), в том числе, сменивший Гуковского на посту ученого секретаря И. Х. Гарбер (1903–1937), были репрессированы и расстреляны. Матвей Александрович лишился работы в Институте, но продолжил работать как преподаватель.

Новый виток его административной карьеры начался в 1939 г., в Ленинградском государственном университете (ЛГУ): он занял посты ученого секретаря Совета исторического факультета и проректора по аспирантуре¹¹. В ноябре 1939 г. Матвей Александрович успешно защитил докторскую диссертацию. 29 июня 1941 г. он читал заявление на Конкурсной комиссии Истфака ЛГУ об утверждении его в качестве профессора кафедры истории средних веков¹².

¹⁰ *Дмитриев, А. Н.* Неутраченное прошлое: о ленинградском ИИИТ первой половины 1930–х гг., В кн.: *80 лет Институту истории науки и техники. 1932–2012. История института в публикациях журнала «Вопросы истории естествознания и техники»* / Общ. ред. В. М. Орла; ред.: Д. А. Баяк, Н. М. Лозовская. М., 2012. С. 29–30.

¹¹ *Вольфцун, Л. Б.* Гуковский Матвей Александрович, В кн.: *Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь, т. 1–4 (электронная версия)* // URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=70 (дата обращения: 15.09.2023)

¹² Выписка из Протокола заседания конкурсной комиссии Истфака ЛГУ от 29 июня 1941 г. Л. 1 / ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1692.

Однако в ЛГУ он был утвержден в звании профессора лишь в 1943 г. по понятным причинам¹³.

Зимой 1941–1942 гг. Гуковский под руководством только назначенного ректора ЛГУ А. А. Вознесенского (1898–1950), занимался эвакуацией Университета в Саратов. Он же организовывал его реэвакуацию обратно в Ленинград в 1944 г. К тому времени Гуковский занимал должности декана исторического факультета ЛГУ и проректора по научной работе.

По возвращении в Ленинград Гуковский по совместительству был принят на должность хранителя отдела оружия в Государственный Эрмитаж¹⁴. В 1948 г., сохраняя высокие административные посты в ЛГУ, в Эрмитаже он занимал пост заместителя директора по научной и научно-просветительской части, председательствовал в редакционно-издательском совете Эрмитажа. К 1949 г. Гуковский, признанный специалист по истории эпохи Возрождения, написал более 50 статей и издал две монографии.

В январе 1949 г. Матвей Александрович вместе с директором Эрмитажа, И. А. Орбели (1887–1961), показывал итальянскую коллекцию и люминисцентные лампы в Эрмитаже С. И. Вавилову (1891–1951), президенту Академии наук¹⁵. Весной 1949 г. монографию Гуковского, «первый том истории Итальянского возрождения», раскритиковал С. Д. Сказкин (1890–1973), назвав ее «скверной книжкой»¹⁶. Летом 1949 г. комиссия, проводившая

¹³ В Высшую Аттестационную комиссию Комитета по делам Высшей школы при СНК СССР [1943]. Л. 5 / ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1692.

¹⁴ М. Ф. Косинский (1904–1975), занимавший до Великой отечественной войны должность хранителя фонда, вернулся в Ленинград только в 1945 г.: «Когда директор Эрмитажа Иосиф Абгарович Орбели беседовал со мной о возобновлении работы в Эрмитаже, он прямо сказал мне: “Гуковский числится хранителем Отделения оружия. Вы, вероятно, знаете его, так как работали в академии наук, и знаете, что он работать фактически не будет. Так что вам придется вести всю работу по отделению”» (Косинский, М. Ф. Первая половина века. С. 332).

¹⁵ Вавилов, С. И. Дневники, 1909–1951: В 2 кн. / Сост. В. В. Вавилова; ред.-сост. Ю. И. Кривоносов; отв. ред. В. М. Орел. М., 2012. Кн. 2. С. 377.

¹⁶ Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета. 23 марта 1949 г., В кн.: *Одиссей. Человек в истории*. 2007. С. 326.

аттестацию Гуковского в ЛГУ, отметила, что он не обладает достаточно высокой марксистско-ленинской подготовкой¹⁷. 28 июля 1949 г. М. А. Гуковский, в возрасте 51 год, вместе с братом, Григорием Александровичем, был арестован органами МГБ СССР.

Дела братьев Гуковских вели сотрудники отдела МГБ по особо важным делам. Отдел возглавлял старший следователь М. Д. Рюмин (1913–1954). Утверждал постановление о предъявлении обвинения 31 августа 1949 г. М. Т. Лихачёв (1913–1954), заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ¹⁸.

Отдел фабриковал и проводил репрессивные кампании второй половины 40-х гг. XX в., большая часть которых была вдохновлена лозунгом преодоления «низкопоклонства перед Западом». Январь 1949 г. открылся кампанией «против безродных космополитов», основной жертвой которой стала творческая и научная интеллигенция, преимущественно евреи. В феврале вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б), давшее начало политическому «Ленинградскому делу». В августе начались аресты¹⁹.

Среди арестованных высших партийных и государственных функционеров находился бывший ректор ЛГУ А. А. Вознесенский, старший брат одной из центральных фигур кампании, Н. А. Вознесенского (1903–1950), члена Политбюро ЦК ВКП(б), занимавшего ряд ключевых постов в правительстве. Александр Алексеевич сложил полномочия ректора ЛГУ в 1947 г., в 1948 г. был назначен на пост министра просвещения РСФСР, арестован 19 августа 1949 г., помещен для допросов в Лефортовскую тюрьму и расстрелян 28 октября 1950 г.

Матвею Александровичу Гуковскому обвинение было предъявлено 31 августа 1949 г. Следствие продолжалось более 13 месяцев,

¹⁷ Дмитриева, М. И. М. А. Гуковский и его «Коломбина», В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2022. Вып. 6 (2). С. 317.

¹⁸ Постановление [о предъявлении обвинения М. А. Гуковскому] от 31 августа 1949 г. Л. 3–4 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

¹⁹ См., например, Мельник, Д. В. «Ленинградское дело» и советская политэкономия, В кн.: *Россия и современный мир*. 2014. № 4 (85). С. 207–209. (202–215); Хлевнюк, О. В., Горлицкий, Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 98–112.

допросы велись в той же Лефортовской тюрьме. Матвей Александрович вспоминал, что «свыше четырех месяцев провел в одиночном заключении и дошел до полного физического и морального истощения»²⁰. В период следствия скончался брат Матвея Александровича, Григорий Александрович.

5 августа 1950 г. вышло постановление Особого совещания при МГБ СССР: Матвей Александрович был осужден по ст. 58-10 ч. 1 и ст. 58-11 УК РСФСР. Гуковский был извещен, что он приговорен к десяти (10) годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) на основании принадлежности его к партии эсеров и антисоветской агитации. «Приговор этот потряс меня, во-первых, полным презрением к основным принципам законности <...> он основывался на обвинениях, которые мне до этого никогда не были предъявлены <...> во-вторых, своей полной необоснованностью»²¹, — вспоминал Матвей Александрович. Лично осуществлял надзор и утверждал обвинительное заключение А. П. Вавилов (1902–1964), главный военный прокурор советской армии, генерал-лейтенант юстиции.

В сентябре 1950 г. А. Г. Леонов (1905–1954), начальник следственной части по особо важным делам МГБ СССР, утвердил обвинительное заключение. Следующие 10 лет Гуковский должен был провести в Дубравлаге (Дубравное лагерное управление), расположенном в Мордовской АССР²².

Основанный на базе Темниковского ИТЛ (1931–1948), с центром в поселке Явас, лагерь протянулся вдоль железнодорожной ветки Потьма–Барашево. Гуковский писал: «В лагерь я попал в полном оцепенении, не в состоянии понять ни того, как могло произойти в Советской Стране подобное беззаконие, ни того, за что же я осужден, ибо мне было ясно, что мотивы, приведенные в приговоре не могут быть приняты всерьез ни одним человеком,

²⁰ Ходатайство М. А. Гуковского Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву от 8 августа 1954 г. Л. 37 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

²¹ Ходатайство М. А. Гуковского...

²² Шкапов, Д. Дубравный лагерь, В кн.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: справочник / Сост. М. Б. Смирнов; под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М., 1998. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/index.htm> (дата обращения: 11.09.2023)

который хотя бы поверхностно перелистает мое следственное дело»²³.

Сохранились немногочисленные свидетельства жизни Матвея Александровича в Дубравлаге. Начальство отмечало, что «заключенный Гуковский М. А. работает на сельхозработах, к труду относится хорошо. В быту ведет себя положительно. Принимает активное участие в художественной самодеятельности...»²⁴. Товарищи Матвея Александровича по лагерю вспоминали, что по окончании рабочего дня он читал лекции по истории Ренессанса в каморке «лагерного» художника Александра Ивановского²⁵.

В 1952 г., еще находясь в заключении, Гуковский начал многолетнюю борьбу за освобождение и полную реабилитацию. Тогда, в сентябре, он написал первое из заявлений генеральному прокурору СССР с просьбой пересмотреть дело: «приговор <...> был вынесен за “принадлежность к партии С.Р. и Антисоветскую агитацию” <...> ни одного из этих обвинений не только не было предъявлено мне во время следствия, как это требуется законом <...> [обвинения] не только не подтверждаются, но и прямо опровергаются материалами дела. Таким образом, я не знаю в чем я виновен и за что несу наказание...»²⁶. В октябре того же года был получен ответ на жалобу — оставить просьбу без удовлетворения²⁷.

В марте 1953 г. скончался Сталин. Почти сразу начались пересмотры дел репрессированных. Но очередная жалоба Гуковского вновь была отклонена: «...отчаявшись в возможности добиться пересмотра [дела,] я в 1953 г. обратился в МГБ СССР с просьбой хотя бы сообщить мне за что же я в действительности должен нести смертельное наказание. Ответ был таким же стандартным, в пересмотре дела, о котором я вовсе не просил, мне было отказано — ясно было, что мое, весьма краткое заявление даже [не] было прочтено»²⁸.

²³ Ходатайство М. А. Гуковского... [Сохранена авторская орфография].

²⁴ Справка от начальника спецотдела Мордовской АССР от 9 июня 1954 г. Л. 31 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

²⁵ Маргулис, М. Д. «Еврейская» камера Лубянки. Иерусалим, 1996. С. 145.

²⁶ Заявление М. А. Гуковского генеральному прокурору СССР от 18 сентября 1952 г. Л. 26–26об. / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

²⁷ Начальнику Дубравлага МВД от 2 октября 1952 г. Л. 27 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

²⁸ Ходатайство М. А. Гуковского...

Наконец, в декабре 1953 г., после жалобы Гуковского генеральному прокурору СССР с требованием «сообщить <...> истинную, обоснованную материалами следствия, причину <...> наказания»²⁹, дело начало продвигаться. 15 января 1954 г., в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 года об упразднении Особого совещания при МВД СССР, жалоба Гуковского была направлена для проверки в 1-й спецотдел МВД СССР. Однако Гуковский еще дважды напоминал о своем деле генеральному прокурору СССР. Не получив ответа, 8 августа 1954 г. Матвей Александрович отправил ходатайство лично Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву: «...пока я еще не потерял способности логически мыслить и бороться за свое существование, а это произойдет в близком времени, я умоляю Вас заинтересоваться моим делом...»³⁰, — писал он.

12 октября делу Гуковского был присвоен гриф «Срочно. Особый контроль», а 27 декабря, на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г., отдел по спецделам Прокуратуры СССР принял решение «Постановление Особого совещания при МГБ СССР от 5 августа 1950 г. в отношении Гуковского М. А. отменить, дело прекратить на основании ст. 204 п. “б” УПК РСФСР, Гуковского М. А. из-под стражи освободить»³¹. 8 января 1955 г. начальник ИТЛ Мордовской АССР получил уведомление, что Гуковский «подлежит освобождению из-под стражи со снятием судимости»³².

Однако это была амнистия со снижением срока заключения с десяти (10) до пяти (5) лет, а не реабилитация. Следующие два года Матвей Александрович упорно добивался полного оправдания. Уже 17 января 1955 г. из квартиры на Дворцовой набережной Гуковский отправил заявление генеральному прокурору СССР, в котором предположил, что истинной причиной ареста была его

²⁹ Ходатайство М. А. Гуковского...

³⁰ Ходатайство М. А. Гуковского...

³¹ Заключение прокурора главной транспортной прокуратуры старшего советника юстиции Радужкевича в отношении Гуковского М. А. от 13 ноября 1954 г. Л. 49 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

³² Уведомление начальнику ИТЛ Мордовской АССР, пос. Явас, от 8 января 1955 г. Л. 53 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

связь с «Ленинградским делом»: «...единственным <...> было то, что я в течение ряда лет по своей научно-административной работе (на посту проректора Ленинградского университета) был связан с лицами, втянутыми в так называемое “Ленинградское дело”»³³.

Реабилитация репрессированных по «Ленинградскому делу» состоялась в 1954 г. Признание причастности Гуковского к пострадавшим «ленинградцам» означало, что его дело было политическим, сфальцифицированным, как и его вина.

В июне 1955 г. Гуковскому были возвращены ордена, но полной реабилитации не последовало. В октябре Гуковский написал очередное заявление в прокуратуру СССР: «...я полагаю, что имею законное право узнать, какова конкретно вина, за которую я должен нести наказание весь остаток своих дней и надеюсь, что Вы незамедлительно сообщите мне об этом»³⁴. Тогда же он отправил второе ходатайство Хрущеву³⁵. Он отказывался признавать за собой какую-либо вину, требовал объяснить, за что он был наказан и утверждал, что арестован по «Ленинградскому делу». 15 февраля 1956 г., за 10 дней до доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на закрытом заседании XX съезда КПСС Гуковский отправил очередное заявление в прокуратуру СССР³⁶. Ответ на него пришел в марте: заявление рассмотрено и оснований к повторному пересмотру не имеет³⁷. Гуковский не сдавался. В июне 1956 г. он отослал в прокуратуру новое заявление³⁸.

³³ Заявление М. А. Гуковского генеральному прокурору СССР от 17 января 1955 г. Л. 59об. / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

³⁴ Заявление М. А. Гуковского в Прокуратуру СССР зам. начальника по спецделам старшему советнику юстиции А. Холявченко от 5 октября 1955 г. Л. 67 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

³⁵ Ходатайство М. А. Гуковского Первому Секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву от 8 октября 1955 г. Л. 65–66 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

³⁶ Заявление М. А. Гуковского в Прокуратуру СССР зам. начальника по спецделам старшему советнику юстиции А. Холявченко от 15 февраля 1956 г. Л. 71 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

³⁷ Ответ М. А. Гуковскому из Прокуратуры СССР, март 195[6] г. Л. 73 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

³⁸ Заявление М. А. Гуковского в Прокуратуру СССР от 6 июня 1956 г. Л. 76–77 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

Заявления и прошения Гуковского показывают человека, ищущего рациональное объяснение катастрофической ситуации, в которой он оказался не по своей воле, отказывающегося признать и принять навязываемую ему вину. Сейчас мы должны сменить оптику, перейти от обвиняемого к обвинителям, чтобы понять, в какую систему смыслов был помещен Матвей Александрович³⁹.

Постановление о предъявлении обвинения от августа 1949 г. содержит три оси: связь с врагами партии и государства, клевета о советской действительности и распространение антимарксистских установок в научной и преподавательской деятельности⁴⁰.

Обвинительное заключение 1950 г., отправленное в Особое совещание при МГБ, содержало, как минимум, 9 пунктов⁴¹: Гуковский принадлежал к партии правых эсеров, держал тесную связь с ее лидерами, вел контрреволюционную деятельность; будучи юнкером артиллерийского училища, в 1918 г. бежал на юг России, служил в белой армии; хранил связь с «реакционной профессурой» и поддерживал «старые порядки» в годы учебы в «Ленинградском университете» (1920–1923)⁴²; «протаскивал» антимарксистские установки и искажал учение марксизма во время работы в различных научных учреждениях; работал в ИИНТ под покровительством «врага народа» Бухарина, «вместе с ним давал антисоветское направление работе института»; пропагандировал студентам ЛГУ космополитизм, воспитывал в них преклонение перед Западом и буржуазной наукой⁴³; клеветал на советскую действительность, преклонялся перед капиталистической частной инициативой, критиковал «мероприятия партии и советского правительства в области культуры и науки»; вел особенно активную антисоветскую деятельность в годы Великой Отечественной войны и послевоенные

³⁹ Необходимо отметить, что анализ будет не полным, так как часть листов выданного мне дела была заклеена для сохранения тайны личной жизни.

⁴⁰ Постановление [о предъявлении обвинения]. Л. 3–4 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

⁴¹ Обвинительное заключение в отношении М. А. Гуковского от [1950 г.]. Л. 16–22 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655. В выданном мне деле Л. 20 был запечатан в конверт для сохранения тайны личной жизни.

⁴² Обвинительное заключение. Л. 17 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

⁴³ Обвинительное заключение. Л. 18.

годы, при поддержке его «вражеской работы» А. А. Вознесенским, бывшим ректором ЛГУ; передавал в 1933 г. данные о быте советских ученых издателю влиятельной канадской газеты «Ванкувер Сан» Роберту Кроми (Robert James Cromie, 1887–1936)⁴⁴.

Обвинение основывалось на трех вещественных доказательствах⁴⁵:

1. Личный листок по учету кадров (дата не указана), в котором обвиняемый скрыл национальность, социальное происхождение, службу юнкера в белой армии и родственников за границей (в Америке).

2. Копия статьи «Затхлый закоулок теоретического фронта» (газета «Правда», № 259 от 19.09.1936, с. 4), посвященная критике ежегодника «Архив истории науки и техники», который выпускал ИИИТ в ленинградский период.

3. Письмо издателю «Ванкувер Сан» Роберту Кроми, в 1933 г. посетившего Советский Союз. Гуковский обещал «информировать» его «о всех сдвигах и обо всем интересном».

Обвинение затрагивает несколько этапов жизненного пути Матвея Александровича. Во-первых, самый малоисследованный период его жизни, до 1929 г., показывающий Матвея Александровича как яркого противника большевиков. Во-вторых, годы работы в ИИИТ, связь Гуковского с Бухариным, «врагом народа». Наконец, существенная часть обвинения отсылает к большинству кампаний второй половины 40-х гг. XX в.: Гуковскому вменялись пропаганда космополитизма, критика культурной политики партии, вражеская деятельность под покровительством бывшего ректора ЛГУ Вознесенского. Из всего списка Гуковскому была оглашена лишь малая часть.

Гуковский вспоминал, что до объявления приговора, основывающегося на обвинениях в принадлежности к партии эсеров и антисоветской деятельности, ему были вменены в вину, во-первых, немарксистский характер работ 20-х гг. XX в., во-вторых критика «некоторых явлений советской культуры, расходящаяся с установками директивных органов», восхваление Д. Д. Шостаковича

⁴⁴ Обвинительное заключение. Л. 19.

⁴⁵ Заключение прокурора главной транспортной прокуратуры. Л. 48 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

(1906–1975), произведения которого критиковал ЦК КПСС. «Больше никаких преступлений за мной найдено не было»⁴⁶, — писал Гуковский в 1954 г. в ходатайстве Хрущеву.

Заключение, утвержденное заместителем начальника отдела по спецделам прокуратуры СССР — его сотрудники занимались рассмотрением жалоб родственников репрессированных и пересмотром дел — было составлено в 1954 г. на основе архивно-следственного дела Гуковского. В нем использовались материалы допросов М. А. и Г. А. Гуковских, историка и драматурга Д. Н. Альшица (1919–2012), историка и директора ГПБ Л. Л. Ракова (1904–1970) и других заключенных, находившихся в 1949–1950 гг. в Лефортово⁴⁷. Оценивая достоверность показаний, мы постоянно имеем в виду, что они были получены зачастую под давлением. В 1954 г., при проверке материалов 1949–1950 гг., бывшие заключенные либо отказались от показаний, либо заявили об искажении их смысла.

Однако некоторые данные можно проверить.

Например, обвинение в работе с Бухариным подкреплено признанием Матвея Александровича: «Во время совместной работы с Бухариным он сильно импонировал мне, и я в известной степени находился под его влиянием. В свою очередь я пользовался доверием Бухарина и фактически являлся его заместителем по руководству институтом, однако прямо к своей заговорщической деятельности Бухарин меня не привлекал...»⁴⁸. Действительно, Бухарин высоко ценил Матвея Александровича⁴⁹, в годы ученого секретарства руководившего фактически ИИИТ в отсутствие директора⁵⁰.

Далее, согласно показаниям Альшица, Гуковский проводил антисоветскую деятельность, не принимал евреев в аспирантуру⁵¹.

⁴⁶ Ходатайство М. А. Гуковского...

⁴⁷ Заключение прокурора главной транспортной прокуратуры. Л. 43–49 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655. В выданном мне деле Л. 47 был запечатан в конверт для сохранения «тайны личной жизни».

⁴⁸ Заключение прокурора главной транспортной прокуратуры. Л. 45 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

⁴⁹ Кривоносов, Ю. И. Институт истории науки и техники: тридцатые — громовые, роковые... В кн.: *Вопросы истории естествознания и техники*. 2002. № 4. С. 72.

⁵⁰ Кирсанов, В. С. Возвратиться к истокам? С. 10.

⁵¹ Заключение прокурора главной транспортной прокуратуры. Л. 46 / ГА

В автобиографической книге «Хорошо посидели!» Даниил Натанович несколько строк посвятил Гуковскому: «Гуковский <...> вынужден был (я подчеркиваю эти слова) отказать мне в приеме в университетскую аспирантуру...»⁵². Не по своей воле, но не принимал.

Нет возможности проверить факт, но велика вероятность, что Гуковский, студент выдающегося медиевиста Л. П. Карсавина (1882–1952), присутствовал на вечере прощания с учителем, отправляющимся в эмиграцию на одном из «философских пароходов» 1922 г.⁵³

В этом свете или, вернее, полутьме, обратим внимание на некоторые детали биографии Матвея Александровича, включенные в перечисленные выше обвинения, такие, как принадлежность к партии эсеров и служба «юнкером в белой армии»⁵⁴ в первые годы советской власти.

Согласно показаниям братьев Гуковских, их отец, А. М. Гуковский (1875–1933/1935), инженер-изобретатель и успешный предприниматель, после февральской революции 1917 г. помогал партии эсеров, в частности — финансировал газету эсеров «Воля народа»; Матвей Александрович якобы развозил газету по Петрограду⁵⁵. Григорий Александрович показал, что на квартире бывал «видный эсер — двоюродный брат отца Гуковский Александр Исаевич, занимавший пост товарища министра юстиции в правительстве Керенского, а также лидеры эсеров Чернов и Сорокин»⁵⁶.

Разветвленная семья Гуковских была тесно связана с революционным движением в России второй половины XIX — начала

РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

⁵² Альшиц, Д. Н. Хорошо посидели! В кн.: *Азбука веры. Художественная литература. 2022* // URL: <https://azbyka.ru/fiction/xoroshho-posideli/10/> (дата обращения: 11.09.2023)

⁵³ Заключение прокурора главной транспортной прокуратуры. Л. 45 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

⁵⁴ Заключение прокурора главной транспортной прокуратуры. Л. 43.

⁵⁵ Заключение прокурора главной транспортной прокуратуры. Л. 43–44.

⁵⁶ Заключение прокурора главной транспортной прокуратуры. Л. 44. Гуковский А. И. (1865–1925), революционер, политик, публицист; Чернов В. М. (1873–1952), один из основателей партии эсеров, идеолог; Сорокин П. А. (1889–1968), политик и ученый, один из основоположников социологии.

XX вв. Среди Гуковских были и народники, и большевики, и правые, и левые эсеры. Насколько плотно Александр Моисеевич и его старший сын были вовлечены в дела эсеров — вопрос остается открытым.

Далее, согласно показаниям братьев Гуковских и Альшица, в 1917 г. Матвей Александрович поступил в Константиновское артиллерийское училище⁵⁷, участвовал в антисоветском мятеже юнкеров в ноябре 1917 г. и после разгрома восстания скрывался на квартире «проф. Щеголева»⁵⁸. В 1918 г. с семьей выехал в Одессу, родной город отца, где дважды призывался в белую армию⁵⁹.

Отъезд семьи Гуковских в Одессу неоднозначен. Точная дата неизвестна, только год: 1918. С января по март 1918 г. Одесса была центром Одесской советской республики. В марте в Одессу вошли австро-германские войска, поддерживающие гетмана Скоропадского, и держали город до декабря, пока в Одессу не вошли войска Петлюры. С большой долей вероятности Гуковские въехали в Одессу осенью 1918 г., между октябрём и декабрём, поскольку дата 7 октября 1918 г. значится в удостоверении Политехнического института в Петрограде, что библиотека Александра Моисеевича необходима ему для работы и должна быть сохранена⁶⁰. Можно допустить, что отец Матвея Александровича, до 1917 г. директор-распорядитель акционерного общества завода «Атлас-Петроград», владеющий домом в Петрограде и имуществом на 100 000 руб.⁶¹,

⁵⁷ Заключение прокурора главной транспортной прокуратуры. Л. 44, 46.

⁵⁸ Заключение прокурора главной транспортной прокуратуры. Л. 46. Вероятно, Д. Н. Альшиц имел в виду П. Е. Щеголева (1877–1931), историка литературы, пушкиниста и архивиста. Об этом факте из биографии Гуковского, по показаниям Альшица, он узнал из рассказа проф. А. В. Предтеченского (1893–1966), историка русской культуры XVIII–XIX вв.

⁵⁹ Согласно показаниям Матвея Александровича, в 1919 г. он призывался в Добровольческую армию под командованием генерала А. И. Деникина, затем в Военно-транспортное управление Одесского гарнизона. (Заключение прокурора главной транспортной прокуратуры. Л. 44 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.)

⁶⁰ Ходатайство А. М. Гуковского с просьбой сохранить библиотеку для научной работы от 7 октября 1918 г. Л. 14–15 / ЦГА СПб. Ф. 3121. Оп. 12. Д. 172.

⁶¹ Персональная карточка [А. М. Гуковского] от 10 августа 1925 г. Л. 2 / ЦГА СПб. Ф. 1552. Оп. 8. Д. 454.

не поддерживал большевиков, особенно в условиях объявленного ими в сентябре 1918 г. красного террора, направленного в том числе против эсеров.

Вернемся к обвинительному заключению в целом. Согласно его материалам, Гуковский мог быть арестован и в рамках анти-семитской борьбы с космополитами (большой упор в обвинениях и материалах допросов ставился на критику Гуковским советской культуры), и по «Ленинградскому делу» (много внимания уделяется его антисоветской деятельности как сотрудника ЛГУ). Но почему из богатого набора обвинений в приговор вошли только принадлежность к партии эсеров и антисоветская агитация?

А. П. Вавилов, лично осуществлявший надзор над делом Гуковского, подписал в том же 1950 г. обвинительное заключение по «Ленинградскому делу». В 1955 г. он был исключен из партии и лишен звания за фальсификации и грубое нарушение юридической процедуры в «Ленинградском деле». В записке Комитета партийного контроля в ЦК КПСС описывались принципы работы Вавилова: «В Особом совещании рассмотрение многих дел о политических преступлениях было превращено в простую формальность, в заочное, исключительно по бумагам, штампование следственных материалов, когда дела рассматривались пачками по 300–400 дел в течение 2–3 часов, что исключало возможность принятия объективного решения... Грубые ошибки им были допущены в так называемом “ленинградском деле”, созданном Берией, Абакумовым и их сообщниками. Товарищ Вавилов несет моральную ответственность перед партией и законом за дачу санкции на арест таких видных партийных работников, как Кузнецов А. А., Попков П. С., Родионов М. И. и другие, без каких-либо обвинительных материалов, только по справкам МГБ»⁶². В таких обстоятельствах Вавилов мог ограничиться чтением первых строк обвинительного заключения Гуковского: принадлежность к партии эсеров. Оно соответствует ст. 58–11: «организационная контрреволюционная

⁶² Записка КПК при ЦК КПСС в ЦК КПСС об исключении из партии А. П. Вавилова. 1 августа 1955 г., В кн.: *Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 — февраль 1956* // URL: <https://istmat.org/node/57928> (дата обращения: 11.09.2023)

деятельность». Что касается второго обвинения, «антисоветской агитации», то это краткое определение ст. 58-10.

Вернемся в 1956 г. 23 ноября Ленинградский городской суд наконец пересмотрел дело Гуковского и постановил его отменить за недоказанностью виновности: «...показания самого обвиняемого Гуковского не могут быть признаны бесспорными доказательствами его виновности. Приобщенные к делу вещественные доказательства не изобличают Гуковского в совершении контрреволюционного преступления. При наличии изложенных обстоятельств не было достаточных оснований к осуждению Гуковского. Руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 г., Президиум Ленинградского Городского суда постановил: Постановление Особого совещания при МГБ СССР от 5 августа 1950 г. отменить, дело в отношении Гуковского Матвея Александровича производством прекратить за недоказанностью его виновности»⁶³.

Полная реабилитация наконец состоялась.

Анализ обвинительных материалов показывает, что Матвей Александрович был репрессирован, частично, из-за научной и преподавательской деятельности в ЛГУ, «пропаганды» космополитизма. Но основной причиной, как представляется, стала его включенность в сеть патрон-клиентских отношений советской бюрократической среды, с которой Матвей Александрович, ученый секретарь Института в 30-е гг. XX в. и проректор Университета в 40-е гг. XX в., постоянно взаимодействовал. Часть обвинения составляют доказательства работы с Бухариным. К. В. Долинина, правнучка Григория Александровича Гуковского, ознакомившись с его делом в архиве ФСБ, пришла к выводу: «То, что мы смогли прочесть, подтверждает наши догадки: моего прадеда и его брата Матвея Гуковских взяли по “Ленинградскому делу” — поэтому

⁶³ Постановление Президиума Ленинградского Городского суда на Гуковского М. А. от 23 ноября 1956 г. Л. 90 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655. Постановление Ленинградского суда могло бы прояснить, на каком основании были сняты обвинения с Матвея Александровича, но сказать это здесь и сейчас не представляется возможным. В деле, которое было выдано мне в ГА РФ, Л. 88 и 89, предшествующие постановлению суда, были заклеены в целях сохранения личной тайны.

и следователь по особым делам, поэтому расследование в Москве. По всем материалам видно, что НКВД [МГБ. — *Е. К.*] интересовал Александр Вознесенский, ректор Университета. Так что дело было не в “борьбе с космополитами”»⁶⁴.

Небрежная абсурдность приговора подразумевает скрытый истинный мотив ареста. Открытия этого тайного мотива, публичной истины требовал Гуковский в прошениях и ходатайствах. Наделенный талантом организовывать сложные процессы и управлять сложносоставными системами, вступая в диалог с властью, Гуковский пытался добиться рационального ответа от представителей созданной в позднесталинском советском государстве иррациональной системы потенциальной вины каждого. Обвинительное заключение показывает, что Матвей Александрович был осужден за всю свою жизнь в России при советской власти.

⁶⁴ Шкуренок, Н. Чтобы помнили, В кн.: Фонд «Последний адрес» // URL: https://www.poslednyadres.ru/articles/ng_4toby_pomnili.htm (дата обращения: 11.09.2023)

Приложение. Ходатайство М. А. Гуковского Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву от 8 августа 1954. Мордовская АССР, пос. Явас. [Оригинал]

Мое обращение к Вам — последний крик отчаяния, последняя попытка добиться справедливости, сломать ту стену, которая окружает меня вот уже свыше пяти лет, не давая возможности пробиться к какому[-]нибудь руководящему органу, доказать следствию полную невиновность, вопиющую незаконность того, что со мной сотворено.

Я — до ареста — беспартийный научный работник — доктор исторических наук, профессор Ленинградского Университета, [ряд лет] проректор этого Университета, затем зам. директора Гос. Эрмитажа, автор многих научных работ.

28 июля 1949 г. я был арестован органами МГБ СССР. Следствие продолжавшееся свыше 13ти месяцев велось в г. Москве отделом МГБ по особо важным делам отделом, возглавлявшимся разоблаченным [в] настоящее время преступником Рюминым.

Несмотря на то, что я свыше четырех месяцев провел в одиночном заключении и дошел до полного физического и моральной истощения, следствие не обнаружило в моей многолетней деятельности ничего преступного. Единственное, что к моменту окончания следствия и подписания справки, согл. ст. 206ой УПК [РСФСР] мне было поставлено в вину [так]:

1) Немарксистский характер моих первых печатных работ, относящихся к [19]20-м годам, когда советская историческая наука еще только боролась за овладение Марксо-Ленинской методологией и я, действительно, недостаточно владел ею.

2) Критическое высказывание по поводу некоторых явлений советской культуры, расходящихся с установками директивных органов: в частности восхваление композитора Шостаковича Д. Д. в то время как ЦК КПСС дал отрицательную оценку некоторым его произведениям.

Больше никаких преступлений за мной найдено не было.

Несмотря на это приговор О[СО] при МГБ СССР от 5/VIII 1950 г. гласил: 10 лет ИТЛ за:

- а) Принадлежность к партии [СР].
- б) Антисоветскую агитацию.

Приговор этот потряс меня [.] во[-]первых [.] полным презрением к основным принципам законности: действительно [.] он основывался на обвинениях [.] которые мне до этого никогда не были предъявлены и не фигурировали ни разу во время длительного следствия, во[-]вторых [.] свой полной необоснованностью — я никогда не только не принадлежал к партии СР [.] но и не сочувствовал ей и не имел никакого отношения ни к одной из ее организаций. Я никогда также не вел антисоветской агитации ни в какой форме [.] и ни один из свидетелей не мог привести ни одного, хотя бы незначительного моего высказывания антисоветского характера.

В лагерь я попал в полном оцепенении, не в состоянии понять ни того, как могло произойти в Советской Стране подобное беззаконие, ни того, за что же я осужден, ибо мне было ясно, что мотивы, приведенные в приговоре [.] не могут быть приняты всерьез ни одним человеком, который хотя бы поверхностно перелистает мое следственное дело.

Я обратился к Министру Г.Б. СССР с ходатайством о пересмотре моего дела, решенного явно несправедливо и незаконно, ответ был стандартный и отрицательный. Аналогичным был и результат моей жалобы Генеральному Прокурору СССР.

Тогда, отчаявшись в возможности добиться пересмотра [дела,] я в 1953 г. обратился в МГБ СССР с просьбой хотя бы сообщить мне за что же я в действительности должен нести смертельное наказание. Ответ был таким же стандартным [.] в пересмотре дела, о котором я вовсе не просил, мне было отказано — ясно было, что мое, весьма краткое [.] заявление даже [не] было прочтено.

В декабре 1953 г. я повторил [просьбу], на этот раз Генеральному Прокурору СССР, сообщить мне истинную, обоснованную материалами следствия причину возложенного на меня наказания. На этот раз я получил в январе 1954 г. сообщение о том, [что] дело мое рассматривается [.] результаты рассмотрения будут сообщены мне дополнительно. Однако прошло более 7ми месяцев и, несмотря на двукратные напоминания [.] я ничего больше не получил.

Полное отчаяние, ощущение безнадежности для меня лично добиться восстановления столь бессовестно поправленной справедливости и законности овладевают мною [.] и одновременно со дня на день падают мои физические силы.

Поэтому, пока я еще не потерял способности логически мыслить и бороться за свое существование, а это произойдет в близком времени, я умоляю Вас заинтересоваться моим делом и сделать все возможное для того, чтобы соответствующие органы [„] не откладывая далее, занялись восстановлением поправленной законности [„] и я, как совершенного невинный ни в чем, был полностью реабилитирован.

[подпись]

8/VIII 1954

Матвей Александрович Гуковский⁶⁵

Информация о статье

Кравцова, Е. С. «Я не знаю в чем я виновен и за что несу наказание»: по материалам следственного дела М. А. Гуковского (1949–1956), В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего нового времени.* 2023. Вып. 7(1). С. 10–37.

Елена Сергеевна Кравцова, канд. ист. наук, научн. сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН (630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8)

УДК 930(091); 930(092) + 323.329

kravtsova.kes@gmail.com

Арест М. А. Гуковского в 1949 г. не был официально связан ни с одной из публичных репрессивных кампаний того года: ни с антисемитской кампанией «против безродных космополитов», ни с политическим «Ленинградским делом». Это породило множественные версии о причинах ареста ученого. В Государственном архиве Российской Федерации хранится следственное дело М. А. Гуковского, охватывающее период 1949–1956 гг., от ареста и до его полной реабилитации. Его материалы позволяют предположить, что именно привело Гуковского в Лефортовскую тюрьму. В материалы дела, с одной стороны, входят документы, составленные представителями власти; с другой стороны, дело содержит прошения, ходатайства и заявления М. А. Гуковского. Автор статьи рассматривает материалы дела как коммуникационный процесс между обвиняемым и властью. Подобный подход позволяет развернуть, во-первых, представления М. А. Гуковского о власти, показать, как ученый и администратор формирует нарратив, объясняющий ее действия. Во-вторых, документы, составленные представителями власти,

⁶⁵ Ходатайство М. А. Гуковского Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву от 8 августа 1954 г. Л. 37 / ГА РФ. Ф. Р8131. Оп. 31. Д. 26655.

демонстрируют замкнутость на себе и репрессивных органов, и комиссий по реабилитации репрессированных, а также содержат детали, освещающие период жизни М. А. Гуковского с 1917 по 1949 г. Некоторые из них, такие, как возможное участие ученого в белом движении в 1918 г., поднимают вопрос о необходимости новых исследований биографии ученого. В заключении автор статьи приходит к выводу, что арест Гуковского был обусловлен в первую очередь его административной деятельностью и близостью к партийным функционерам, в разные годы бывшим в опале у И. В. Сталина. Часть дела составляют материалы, собранные, по всей видимости, в период большого террора, когда был репрессирован Н. И. Бухарин. Часть материалов связана с послевоенной деятельностью Гуковского в ЛГУ при А. А. Вознесенском, ставшем жертвой «Ленинградского дела». Вместе с тем материалы допросов 1949–1950 гг. позволяют вписать арест Гуковского в контекст ряда послевоенных кампаний, направленных против людей науки и искусства. Приложением к статье впервые опубликовано ходатайство М. А. Гуковского Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву от 8 августа 1954 г.

Ключевые слова: М. А. Гуковский, поздний сталинизм, сталинские репрессии, «Ленинградское дело», антисемитизм, реабилитация репрессированных в СССР, письма во власть

Information on the article

Kravtsova, E. S. «I do not know what I am guilty of and what I am being punished for»: based on the materials of the investigative case of M. A. Gukovsky (1949–1956), in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2023. Vol. 7(1). P. 10–37.

Elena Sergeevna Kravtsova, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Sector of History of Social and Political Development, Institute of History SB RAS (630090, Russian Federation, Novosibirsk, 8 Nikolaev Str.)

kravtsova.kes@gmail.com

The arrest of M. A. Gukovsky in 1949 was not formally affiliated with any repressive campaign of that year: neither with the anti-Semitic campaign «against rootless cosmopolitans», nor with the political «Leningrad affair». This gave rise to the multiple versions about the reasons for his arrest. The State Archive of the Russian Federation (GA RF) keeps the investigation case file, covering the period from 1949 to 1956, from arrest of M. A. Gukovsky to his complete rehabilitation. These materials could reveal the link between circumstances of Gukovsky's life before 1949 and his imprisonment. The case file, on the one hand, includes documents drawn up by government officials. On the other hand, it contains Gukovsky's statement and petitions, which could be considered as a communication process

between the accused and the authorities. Such an approach allows us to reveal, firstly, M. A. Gukovsky's ideas about power, and to show how a scholar and an administrator forms a narrative explaining its actions. Secondly, the documents drawn up by the authorities demonstrate the isolation of both repressive bodies and commissions for the rehabilitation of the repressed persons. And furthermore, these materials contain a lot of hidden Gukovsky's biographical details from 1917 to 1949, such as his possible participation in the White movement in the Russian Civil War. Some of these details raise the question of reexamination the scholar's biography. In conclusion, the author arrives to the idea that Gukovsky's arrest was primarily due to his administrative activities and proximity to the party officials which fell out of favor of J. Stalin in the 1930s and 1940s. The case file contains also the materials collected, apparently, during the Great Terror (1937–1938), when N. I. Bukharin was repressed, and the materials related to the Gukovsky's post-war activities at the Leningrad State University led by A. A. Voznesensky, a victim of the Leningrad affair (1949–1950). Interrogation materials dated 1949–1950, however, allow to consider the Gukovsky's repression as a part of a number of post-war campaigns against soviet scientists and artists. The first publication of petition from M. A. Gukovsky to the First Secretary of the CPSU Central Committee N. Khrushchev (dated August 8, 1954) is attached to the article.

Key words: M. A. Gukovsky, Stalin's Soviet Union (1945–1953), Stalinist repression, The Leningrad affair, Antisemitism, Amnesty and Rehabilitation, Letters to the authorities

Список источников и литературы / References

Альшиц, Д. Н. Хорошо посидели! В кн.: *Азбука веры. Художественная литература. 2022* // URL: <https://azbyka.ru/fiction/xorosho-posideli/10/> (11.09.2023).
Alshits, D. N. Khorosho posideli! [Having a nice time in a jail] [Elektronnyy resurs], in: Azbuka very. Khudozhestvennaya literatura. 2022 // URL: <https://azbyka.ru/fiction/xorosho-posideli/10/> (дата обращения: 11.09.2023)

Вавилов, С. И. Дневники, 1909–1951: в 2 кн. // Сергей Иванович Вавилов; сост. В. В. Вавилова; ред.-сост. Ю. И. Кривоносов; отв. ред. В. М. Орел. М.: Наука, 2012. Кн. 2. 605 с. *Orel, V. M. (Ed.) Vavilov, S. I. Dnevniki, 1909–1951: v 2 kn. [Diaries, 1909–1951: in 2 books] Moskva: Nauka, 2012. Kn. 2. 605 p.*

Вольфиун, Л. Б. Гуковский Матвей Александрович, В кн.: *Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь, т. 1–4 (электронная версия)* // URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id 70 (15.09.2023).
Volfstun, L. B. Gukovskiy Matvey Aleksandrovich, in: Sotrudniki RNB — deyateli nauki i kultury. Biograficheskiy slovar, t. 1–4 (elektronnaya versiya) // URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id 70 (дата обращения: 15.09.2023)

Грин, Ц. И. Яковкин Иннокентий Иванович, В кн.: *Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь, т. 1–4 (электронная версия)* // URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id 75 (05.09.2023).
Grin, T. S. I. Yakovkin Innokentiy Ivanovich, in: *Sotrudniki RNB — deyateli nauki i kultury. Biograficheskiy slovar, t. 1–4 (elektronnaya versiya)* // URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id 75 (дата обращения: 05.09.2023)

Дмитриев, А. Н. Неутраченное прошлое: о ленинградском ИИИТ первой половины 1930-х гг., В кн.: *80 лет Институту истории науки и техники. 1932–2012. История института в публикациях журнала «Вопросы истории естествознания и техники»*. М.: Изд-во «РТСофт», 2012. С. 22–59. *Dmitriyev, A. N. Neutrachennoye proshloye: o leningradskom IINT pervoy poloviny 1930-kh gg.* [The unlost past: about Leningrad Institute for the History of Science and Technology in the first half of the 1930s], in: *80 let Institutu istorii nauki i tekhniki. 1932–2012. Istoriya instituta v publikatsiyakh zhurnala “Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki”*. Moskva: Izd-vo “RTSoft”, 2012, pp. 22–59.

Дмитриева, М. И. М. А. Гуковский и его «Коломбина», В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2022. Вып. 6 (2). С. 317–331. *Dmitrieva, M. I. M. A. Gukovskiy i yego “Kolombina”* [Gukovsky and his “Columbine”], in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2022. Vol. 6 (2), pp. 317–331.

Записка КПК при ЦК КПСС в ЦК КПСС об исключении из партии А. П. Вавилова. 1 августа 1955 г., В кн.: *Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 — февраль 1956* // URL: <https://istmat.org/node/57928> (дата обращения: 11.09.2023). *Zapiska KPK pri TSK KPSS v TSK KPSS ob isklyuchenii iz partii A. P. Vavilova. 1 avgusta 1955 g.* [Report of the CCC CPSU in CC CPSU about an expulsion from the party of A. P. Vavilov, 1 Aug 1955], in: *Reabilitatsiya: kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TSK KPSS i drugiye materialy. Mart 1953 — fevral 1956* // URL: <https://istmat.org/node/57928> (дата обращения: 11.09.2023).

К истории разработки библиотечных классификаций в 1930-е годы: Сб. документов. Комментиров. изд. / Авт.-сост.: Н. В. Бекжанова (отв. сост.), Д. Дракулич-Прийма, Д. М. Омельченко, С. В. Перекрест. СПб.: БАН, 2018. 255 с. *Bekzhanova, N. V. et al. (Ed.) K istorii razrabotki biblioteknykh klassifikatsiy v 1930-e gody: Sb. dokumentov. Kommentirov. izd.* [On the history of the development of library classifications in the 1930s. Collection of documents. Commented edition]. SPb.: BAN, 2018. 255 p.

Курсанов, В. С. Возвратиться к истокам? (Заметки об институте истории науки и техники АН СССР, 1932–1938 гг.), В кн.: *Вопросы истории естествознания и техники*. 1994. № 1. С. 3–19. *Kirsanov, V. S. Vozvratitsya k istokam? (Zametki ob institute istorii nauki i tekhniki AN SSSR, 1932–1938 gg.)* [Return to the roots?

(Notes on the Institute of the History of Science and Technology of the USSR Academy of Sciences, 1932–1938)], in: *Studies in the History of Science and Technology*, 1994, n 1, pp. 3–19.

Косинский, М. Ф. Первая половина века: воспоминания. Paris: YMCA-Press, 1995. 417 с. *Kosinskiy, M. F. Pervaya polovina veka: vospominaniya* [first half of the century: memoirs]. Paris: YMCA-Press, 1995. 417 p.

Кривоносов, Ю. И. Институт истории науки и техники: тридцатые — громовые, роковые... В кн.: *Вопросы истории естествознания и техники*. 2002. № 4. С. 42–75. *Krivososov, YU. I. Institut istorii nauki i tekhniki: tridtsatyue — gromovuyu, rokovuyu...* [the Institute of the History of Science and Technology: thunderous and fateful thirties...], in: *Studies in the History of Science and Technology*. 2002. N 4. P. 42–75.

Маргулис, М. Д. «Еврейская» камера Лубянки. Иерусалим: Гешарим, 1996. 215 с. *Margulis, M. D. "Evreyskaya" kamera Lubyanki* ["Jewish" cell of the Lubyanka]. Iyerusalim: Gesharim, 1996. 215 p.

Мельник, Д. В. «Ленинградское дело» и советская политэкономия, В кн.: *Россия и современный мир*. 2014. № 4 (85). С. 202–215. *Melnik, D. V. «Leningradskoye delo» i sovetskaya politekonomiya* [«Leningrad affair» and soviet political economy], in: *Rossiya i sovremennuyu mir*, 2014, n 4 (85), pp. 202–215.

Последний рассказ историка науки: интервью Г. Е. Павловой (6 июля 1999 г., ИИЕТ РАН), В кн. *Вопросы истории естествознания и техники*. 2001. № 1. С. 157–180. *Posledniy rasskaz istorika nauki: intervyyu G. E. Pavlovoy* (6 iyulya 1999 g., IIYET RAN) [The last story of a historian of science: interview with G. E. Pavlova (July 6, 1999, IHST RAS)], in: *Studies in the History of Science and Technology*, 2001, n 1, pp. 157–180. (in Russian)

Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета. 23 марта 1949 г., В кн.: *Одиссей. Человек в истории*. 2007. С. 253–340. *Stenogramma obyedinennogo zasedaniya sektora istorii srednikh vekov instituta istorii AN SSSR i kafedry istorii srednikh vekov Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 23 marta 1949 g. [Transcript of the joint meeting of the Sector of History of the Middle Ages of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences and the Department of History of the Middle Ages of Moscow State University. 23 Mar 1949], in: *Odysseus. Man in History*. 2007, pp. 253–340.

Хлевнюк, О. В., Горлицкий, Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 231 с. *Khlevniuk, O. V., Gorlizky, Y. Kholodnyy mir: Stalin i zaversheniye stalinskoy diktatury* [Cold Peace: Stalin and the soviet ruling

circle 1945–1953]. Moskva: Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN); Fond “Prezidentskiy sentsr В. N. Yeltsina”, 2011. 231 p.

Шкапов, Д. Дубравный лагерь, В кн.: *Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: справочник* / Сост. М. Б. Смирнов; под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М., 1998 // URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/index.htm> (дата обращения: 11.09.2023). *Okhotin, N. G., Roginskiy, A. B.* (Ed.) *Shkapov, D.* Dubravnyu lager [The Dubravny Camp] [Elektronnyy resurs], in: *Sistema ispravitelno-trudovyykh lagerey v SSSR, 1923–1960: spravochnik*. Moskva, 1998. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/index.htm> (дата обращения: 11.09.2023)

Шкуренок, Н. Чтобы помнили, В кн.: *Фонд «Последний адрес»* // URL: https://www.poslednyadres.ru/articles/ng_4toby_pomnili.htm (дата обращения: 11.09.2023). *Shkurenok, N.* Chtoby pomnili [To remember], in: *The Project “The Last Adress”* // URL: https://www.poslednyadres.ru/articles/ng_4toby_pomnili.htm (дата обращения: 11.09.2023) (in Russian)

Эппле, Н. В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Нов. литерат. обзор., 2020. 321 с. *Eppl, N. V.* Neudobnoye proshloye. Pamyat o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh. Moskva: Nov. literat. obozr., 2020. 321 p.

Архивные материалы

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА Спб) Central State Archive of St. Petersburg (CGA SPb)

Ф. 1552. Он. 8. Д. 454. Fund 1552. Inventory 8. File 454.

1. Персональная карточка [А. М. Гуковского] от 10 августа 1925 г. Л. 2. Personal card [A. M. Gukovsky], August 10, 1925. Fol. 2.

Ф. 3121. Он. 12. Д. 172. Fund 3121. Inventory 12. File 172.

Ходатайство А. М. Гуковского с просьбой сохранить библиотеку для научной работы от 7 октября 1918 г. Л. 14–15. Petition from A. M. Gukovsky with a request to preserve the library for scientific work dated October 7, 1918. Fols. 14–15.

Ф. 7240. Он. 12. Д. 214. Fund 7240. Inventory 12. File 214.

Краткий Curriculum Vitae М. А. Гуковского от 15 июня 1935 г. Л. 1-3. A brief Curriculum Vitae of M. A. Gukovsky, June 15, 1935. Fols. 1–3.

Ф. 7240. Он. 12. Д. 1692. Fund 7240. Inventory 12. File 1692.

1. Выписка из Протокола заседания Конкурсной комиссии истфака ЛГУ от 29 июня 1941 г. Л. 1. Extract from the Minutes of the meeting of the competition commission of the Faculty of History of Leningrad State University dated June 29, 1941. Fol. 1.

2. В Высшую Аттестационную комиссию Комитета по делам Высшей школы при СНК СССР [1943]. Л. 5. To the Higher Attestation Commission of the

Committee for Higher School Affairs under the Council of People's Commissars of the Soviet Union [1943]. Fol. 5.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) State Archive of the Russian Federation (GARF)

Ф. Р8131. Он. 31. Д. 26655. Fund R8131. Inventory 31. File 26655.

1. Постановление [о предъявлении обвинения М. А. Гуковскому] от 31 августа 1949 г. Л. 3–4. Resolution to bring charges against M. A. Gukovsky, August 31, 1949. Fols. 3–4.

2. Обвинительное заключение в отношении М. А. Гуковского от [1950 г.]. Л. 16–22. Indictment against M. A. Gukovsky, [1950]. Fols. 16–22.

3. Заявление М. А. Гуковского генеральному прокурору СССР от 18 сентября 1952 г. Л. 26–26об. Statement by M. A. Gukovsky to the Prosecutor General of the USSR dated September 18, 1952. Fols. 26r–26v.

4. Начальнику Дубравлага МВД от 2 октября 1952 г. Л. 27. To the Head of Dubravny Camp of the Ministry of Internal Affairs, October 2, 1952. Fol. 27.

5. Справка от начальника спецотдела Мордовской АССР от 9 июня 1954 г. Л. 31. Certificate from the head of the special department Mord. ASSR, June 9, 1954. Fol. 31.

6. Ходатайство М. А. Гуковского Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву от 8 августа 1954 г. Л. 37–40. Petition from M. A. Gukovsky to the First Secretary of the CPSU Central Committee N. S. Khrushchev, August 8, 1954. Fols. 37–40.

7. Заключение прокурора главной транспортной прокуратуры старшего советника юстиции Радушкевича в отношении Гуковского М. А. от 13 ноября 1954 г. Л. 43–49. Conclusion of the prosecutor of the main transport prosecutor's office, Senior Adviser of Justice Radushkevich, regarding Gukovsky M. A., November 13, 1954. Fols. 43–49.

8. Уведомление начальнику ИТЛ Мордовской АССР, пос. Явас, от 8 января 1955 г. Л. 53. Notification to the head of the Correctional Labour Camp of the Mordovian ASSR, Yavas, January 8, 1955. Fol. 53.

9. Заявление М. А. Гуковского генеральному прокурору СССР от 17 января 1955 г. Л. 59–60. Statement by M. A. Gukovsky to the Prosecutor General of the USSR, January 17, 1955. Fols. 59–60.

10. Ходатайство М. А. Гуковского Первому Секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву от 8 октября 1955 г. Л. 65–66. Petition from M. A. Gukovsky to the First Secretary of the CPSU Central Committee N. S. Khrushchev, October 8, 1955. Fols. 65–66.

11. Заявление М. А. Гуковского в Прокуратуру СССР зам. начальника по спецделам старшему советнику юстиции А. Холявченко от 5 октября 1955 г. Л. 67. Statement by M. A. Gukovsky to the USSR Prosecutor's Office Deputy.

Head of Special Affairs to Senior Adviser of Justice A. Kholyavchenko, October 5, 1955. Fol. 67.

12. Заявление М. А. Гуковского в Прокуратуру СССР зам. начальника по спецделам старшему советнику юстиции А. Холявченко от 15 февраля 1956 г. Л. 71. Statement by M. A. Gukovsky to the USSR Prosecutor's Office Deputy. Head of Special Cases to Senior Adviser of Justice A. Kholyavchenko, February 15, 1956. Fol. 71.

13. Ответ М. А. Гуковскому из Прокуратуры СССР, март 195[6] г. Л. 73. Reply to M. A. Gukovsky from the USSR Prosecutor's Office, March 195[6]. Fol. 73.

14. Заявление М. А. Гуковского в Прокуратуру СССР от 6 июня 1956 г. Л. 76–77. Application by M. A. Gukovsky to the USSR Prosecutor's Office, June 6, 1956. Fols. 76–77.

15. Постановление Президиума Ленинградского Городского суда на Гуковского М. А. от 23 ноября 1956 г. Л. 88–90. Resolution of the Presidium of the Leningrad City Court about Gukovsky M. A., November 23, 1956. Fols. 88–90.